

Мое земное притяжение...

Анатолий Райшев

Аборигены всегда считали и считают, что от доброго отношения к Земле зависят их здоровье и благополучие. Они не допускают насилия над Природой, с раннего детства воспитывая уважительное отношение к ней. Отсутствует жадность, обман, все согласовывается с Совестью, все рассчитывается на Вечность. Притяжение Человека-Аборигена и Земли - очевидно.... чего, к сожалению, так не хватает современным цивилизованным людям...

У этого зверя множество имен иносказательных, название его – табу. На Казыме, например, его называют «Старик священного города», «Большой Вежакарский Бог», «Батюшко Дорогой». Ему поклоняются, его опасаются, его почитают, как родственника. Имя его – МЕДВЕДЬ.

Зверь этот имеет божественное происхождение, он — сын Нуми-Торума. Однажды, нарушив запрет отца, медведь вышел из дому и увидел внизу землю, покрытую лесами. Ему захотелось в лес, и отец в люльке на железной цепи спустил его на остров, где было много ягод черемухи и шиповника. На этот же остров по ягоды приплыли на лодках женщины, взявшие с собой девочку и мальчика в люльках. Медведь зарычал на женщин, те в ужасе убежали, оставив детей. Зверь сожрал девочку, но когда подошел к колыбели с мальчиком, появились охотники с собаками. Зверь, обстрелянный из лука, раненый рогатиной и топором, умер «великой смертью медведя». По сути, он нарушил заповеди отца - следить за порядком на Земле и не причинять людям вреда, и с тех пор Охотникам был снят запрет на его убиение.

Медведю приписывается много разных способностей, например, охранять человека от болезней, разрешать споры между людьми, подгонять лося к самострелу. Медвежьё вечерку, поминки – ханты обязательно справляли раньше над каждым убитым медведем. Эти обряды и сейчас

проводятся аборигенами, но только в том случае, если «братец» не оказался «нечистым», то есть виновником гибели человека.

У аборигенов развит культ медведя. В прошлом каждая хантыйская семья хранила в доме медвежий череп.

Охотники никогда не говорят: «Пойдем на охоту на медведя». Не произносят: «убить медведя», «снять с него шкуру». Они говорят о Нем уважительно: «Пойдем к Нему в гости, будем снимать с Него Шубу». Нельзя Его ругать без причины и плохо думать о Нем тоже нельзя.

После добычи медведя проводится сакральный ритуал - Медвежьи игрища, которые, по сути, являются обрядом извинения перед Ним, своеобразной помощью перехода Его в иной мир.

В конце семидесятых и я был участником такого обряда. 22 декабря 1977 года мы с Иваном Семёновичем Сопочиным и его сыновьями на двух оленьих упряжках ездили в гости к Нему, снимали Ему Шубу. Что этому предшествовало, как я оказался на этой охоте, как всё происходило, почему я тогда остался жив, какие мне были даны предсказания и как они сбывались – об этом и рассказ.

Стройка на стойбище

После службы в Советской Армии я два года работал с Сургутском районе на строительстве нефтеперекачивающей станции (НПС) «Катесовский Ёган», потом на компрессорной станции «Приобская» (КС-4) - на строящемся газопроводе «Уренгой-Челябинск». В августе 1977 года нашу бригаду СУ-6 треста «Сургутнефтепромстрой» перебросили на вертолете с КС-4 на КС-2 - с юга на север Сургутского района и высадили на обжитую аборигенами территорию.

Это было стойбище семьи Ивана Семеновича Сопочина – жена, четверо детей. В те годы и понятий не было согласовывать все свои действия с хозяевами стойбищ – начальству понравилось очищенное от леса,

относительно высокое, не болотистое, песчаное место, решили - здесь будет база, поселок строителей компрессорной станции! А станция по проекту – в километре от стойбища.

Семья аборигенов-первожителей вынуждена была иммигрировать - перебираться вместе со своим скарбом на новое место. А здесь у них были жилые постройки с лабазами, и жили они в деревянных традиционных домиках. Они переехали километров за сорок от обжитого угла. Потом я не раз бывал там – место, конечно, далеко не лучше Орт-Ягуна. Так называлось стойбище, занятое промышленниками. Так стала называться и строящаяся компрессорная станция - «Орт-Ягунская».

Рядом строилась железная дорога «Сургут-Ноябрьский» (точнее, она называлась «Ульт-Ягун – Новый Уренгой»). В восемнадцати километрах от нашей базы находилась строящаяся железнодорожная станция «Когалым» - это был вагон-городок с несколькими барачного типа общежитиями. Но был там небольшой продуктовый магазинчик, и мы туда ездили за продуктами на вездеходной технике – ГТТ, АТС. Ездил за продуктами для бригады, как правило, я - для меня это была хорошая возможность, хоть не на долго, но побыть охотником. Я никогда на этой технике не сидел в кабине, всегда – на кабине с ружьем и всегда, в каждую такую поездку что-нибудь да добывал. А однажды даже на «Урагане» ездил, сидя верхом на кабине, с ружьем, на железнодорожную станцию «Когалым». Но кто бы мог подумать?! Тогда я подстрелил кополуху (глухарку), и добычу отдал механикам-водителям этой грозной техники.

Зимы в те годы были еще по-настоящему сибирские. В октябре уже были морозы под -35. Жили мы, почти до Нового Года, в армейских палатках. От обычных туристических палаток отличались они только размерами – в палатке устанавливали семнадцать кроватей, две печки-буржуйки, дежурный всю ночь топил их. Спали в спальнях мешках из верблюжьей шерсти. Забирались в спальники, хоть и не в ватниках, но в

верхней одежде.

Где-то в октябре месяце меня переманили работать в монтажную бригаду. Я перешел из комплексной бригады в монтажники – это соответствовало моей специальности, здесь я уже стал газосварщиком.

Игорь, бригадир – ушлый мужичок, где-то на газопроводе нашел брошенные вагончики, трактором притащил их на базу, и мы первыми переселились из палаток в них.

Столовой на базе еще не было, бригады сами варили себе. Но питание было крайне однообразное, опостылое – ели, в основном, тушёнку. Даже в вагончиках сидели не на стульях, которых еще не было, а на ящиках с этой консервой. Мне приходилось ее закупать на станции «Когалым», там же брали всякие супы в пакетах, какие-то незамысловатые консервы. Ни картошки, ни других свежих овощей не было.

Друг мой Левка

Я был увлечен охотой. По возможности бегал за территорию базы, что-нибудь да добывал. Бригадир наш был кулинаром по образованию. Даже когда-то, по его рассказам, работал шеф-поваром в ресторане в поселке Игрим в Березовском районе – на моей родине.

Готовил он из добытой мною дичи отменные блюда, не ресторанные, конечно, но всё равно было очень вкусно. Все в бригаде, а нас было человек четырнадцать, говорили: «Ты, Толик, иди на охоту - на работе и без тебя справимся! Ты побольше дичи добывай!» «Как это так? Не работать – получать зарплату!?» - я не соглашался.

Потом предложил свой вариант – все согласились: с утра, да и днем – я на охоте (в основном, добывал куропаток, косачей, белок, зайцев), а вечером - на КС, где мне был подготовлен фронт работ. Строили мы тогда свайное

основание компрессорной станции. Для меня прихватывали электросваркой металлические детали, а я с вечера и до двенадцати ночи проваривал эти конструкции.

Еще летом, на НПС, я подобрал щенка западно-сибирской лайки. Назвал кобелька Лёвкой. Он на самом деле походил на льва – рыжий, богатая шерсть, гривастый! Чей он был – не знаю. Наверное, был бесхозным. Но кто-то его кормил, он был чист и шибко уж пах одеколоном. Кто его обмазывал и зачем – не понятно. Я его промыл, прикормил и он стал лучшим моим Другом.

Зима 1977 года. Работники компрессорной станции. В центре – Ху@гага, по имени его никогда и никто не называл (редкая кличка!). Рядом я, как обычно, с неразлучным другом Лёвкой.

Лёвка был со мной везде. Ночью спал под моей кроватью в вагончике. Куда бы я не пошел, он, как истинный друг, брал кисть моей руки своими зубами, ему неудобно, голова закинута назад и чуть на бок, но всё равно он так и шел, держась за мою руку.

Сваривал я в темное время суток. Лёвка где-нибудь присосбливался, ложился, смотрел в мою сторону и ждал окончания работ. Что такое смотреть на электросварку – все знают, у нас это называется «нахвататься зайчиков». Поймал несколько таких «зайчиков» - будешь маяться «песком» в

глазах, истекать слезами и не спать несколько ночей.

Я переживал за Левку, пытался его отогнать – ни в какую, всё равно придет, ляжет и будет смотреть на мою работу. Но что интересно, а для меня и до сих пор не понятно – не было у него никаких глазных болезней от электросварки, не нахватывался он этих «зайчиков»!

Днем, на охоте я добывал, кроме прочей дичи, и по несколько белок. В вагончике снимал с них шкурки, вывешивал на просушку. Как-то Игорь, бригадир, решил приготовить блюдо из тушек белок – ну, какое это оказалось объедение! Сроду не едали!

Всё! Теперь все тушки шли на деликатесы. Но я никогда и никому из бригады не показывал процесс снятия шкурки – у белки всегда было много блох! И если бы бригада увидела их, то точно забрезговала бы потреблять эти деликатесы.

Орт-Ягун - это название речки, у которой располагалось стойбище Сопочиных, а теперь мы - строители КС-2. Зимой на охоту я всегда ходил по её льду. Север Сургутского района отличен от юга района. Если на юге района мне было трудно найти какую-либо речку или озеро (кругом густой урман, к тому же, в те времена все карты были засекречены), то здесь озера располагались сплошняком. Вся территория была в болотах, озерах. Высокоствольных лесов практически не было. Это была уже лесотундра. Только вдоль речек был негустой, угнетенный хвойный лес, березняк, ивняк, и только здесь я добывал косачей, куропаток, белок, а петлями ловил зайцев.

В один из дней я довольно-таки далеко уперся вверх по Орт-Ягуну. И вдруг выхожу на место обитания большого семейства выдры. Весь лед речки был исполосован их тропами - они бегали от лунки к лунке, норы были и на кромке берега. Вокруг лунок на речке были рыбьи пояди, кашки, а запах стоял крутой – типичный запах испражнений животных, которые едят только рыбу. Запашок далеко не из приятных. Вдруг мой Лёвка начал яростно кого-то облаивать. Обхожу поворотик речки – Лёвка лает в очередную нору у

берега. Причем, он подскакивает – отскакивает от норы. А оттуда с шипящим выканьем вылетает-залетает морда выдры. Вот так они оба друг на друга лают, шипят, подскакивают-отскакивают. Выдра только нюшку своей мордочки и только на мгновение кажется из норы – она защищает свое семейство от каких-то неизвестных ей пришельцев, которые так агрессивно себя ведут на её территории. Я направляю стволы ружья в нору, но в кого и как стрелять, если выдра только на доли секунды резко высовывает часть своей мордашки? Я рассчитываю, думаю нажать на курок перед очередным и одновременным её появлением – так и делаю – нажимаю на курок, стреляю, но...но... её не видно! Не побоялся – оголил руку и засунул её в нору, точнее, в воду норы. Никого не нащупал. Расстроился. Значит, неправильно рассчитал её появление.

Знакомство с Сопочинными

Дело было в конце октября. Решаю в ноябрьские праздники слетать на вертолете в Сургут, попросить там у моего дяди, Танишева Александра Николаевича, страстного охотника, капканы, потом расставить их здесь, на тропах и, конечно, у этой норы. Срубил палку, воткнул её в снег у норы – это будет меткой. За десяток дней все может измениться – заметет все снегом – потом ищи эту нору.

Пошел дальше вверх по Орт-Ягуну. Все эти дни здесь, на охоте, я ни разу никого не встречал. И вдруг, обходя очередной крутой поворот реки, выхожу на аборигенов в малицах, с двумя оленьими упряжками! Здесь они протаскивали невод подо льдом – ловили рыбу. Такая неожиданность! Подошел. Это оказался Сопочин Иван Семенович со своими сыновьями - хозяин того самого стойбища, с которого мы, строители КС-2, его согнали в августе этого года. И, конечно, у них было крайне негативное отношение ко всем нам.

Познакомились. На казымском диалекте хантыйского языка, которым я

владел тогда на бытовом уровне, рассказал, кто я и откуда родом, что охочусь, и здесь, недалеко, стрелял в выдру. Для них это стало очень интересным и положительным явлением – когда один из «оккупантов», по своему роду – охотник, что-то там вякает на их языке, да еще на не очень понятном для них диалекте.

Помог им протащить подо льдом невод, участвуя с ними во всех продуманных, мудрых технологиях этого процесса. Речка Орт-Ягун – небольшая, шириной всего метров десять-двенадцать, и такого места, где Сопочины ежегодно зимой протаскивали невод, на этой речке больше я не видел, хотя прошел по ней десятки километров. Это был некий затон метров в сто длиной и метров пятнадцать-двадцать шириной. Оттуда, с дальнего конца этого затона, бил большой родник живой воды, куда рыба и подымалась на зимовку.

Мы вытащили неводом много рыбы - крупного окуня, язя, чебака. Рыбу разворошили по снегу и, когда она подмерзла, сложили в мешки, положили на две оленьи упряжки, закрепили на нартах мои лыжи и тронулись в путь.

Меня довели до базы, прямо к вагончику и вручили гостинец – мешок крупного окуня. Мой приезд на базу – с аборигенами, на оленьих упряжках, конечно, шокировал строителей. А как бригада была довольна! Теперь, кроме дичи, я и рыбы привез, причём, большой и полный мешок!

После знакомства со мной, через несколько дней Иван Семенович с сыновьями впервые приехали на базу, привезли шкурки ондатры, рыжей лисы, песцовые шкурки. И все это он поменял на одеколон и духи. Конечно, не Иван Семенович просил в обмен за шкуры одеколон и духи. Те, кто желал купить меха, ничего другого ему и не предлагали – ни денег, ни продуктов. По сути, происходил принудительный обмен. Накануне у нас открылся магазинчик, водки в продаже не было - по указанию руководства действовал местный «сухой» закон. Но на полках стояли одеколон и духи.

Иван Семенович берет флакон одеколona, открывает, брызгает на свою голову, а остальное стрясывает себе в рот. Так пьяненький Иван Семенович, вместе со своими сыновьями, уехали на двух оленьих упряжках на свое стойбище без грамма муки, сахара, других продуктов.

Меня этот ужаснуло, неприятно поразило. Беру на себя смелость и решаю запретить здесь, на строительной базе, менять у аборигенов пушнину, мясо, рыбу - на водку, одеколон, духи.

А в последнее время контингент строителей существенно увеличился, и среди них стало много бывших зэков. Вообще, в свои двадцать два года решил навести порядок – помочь своим соплеменникам нормально реализовывать пушнину, мясо, дичь, рыбу.

Создатель фактории

Тогда я совершенно ничего не знал об органах власти. Читал в газетах про окружной партком, исполком, но какие у них функции – не ведал. И слыхом не слыхивал о какой-либо работе с аборигенами. Были ли какие-либо структуры по работе с коренными малочисленными народами Севера – не знал. Решил навести нормальные порядки по отношению к местным хантам – установить некие правила. Без сомнения и боязни взялся за это дело. Запретил всем обменивать результаты трудов семьи Сопочина И.С. на водку, одеколон, духи. На тот момент думал только об этой семье. Спросил у Ивана Семеновича о необходимых для семьи продуктах, вещах, материях, деньгах.

На каждый вид пушнины я назначил твердую цену. Шкурка ондатры, очень востребованная в те годы, стала стоить пять рублей. Шкуры лисы и песца – по пятьдесят рублей. Цены на мясо и рыбу были установлены не на много больше, чем в магазинах города Сургута.

Желающие приобрести пушнину, мясо или рыбу, приходили ко мне. Я их заносил в список, образовалась и некая очередность. Обмен на водку,

одеколон, духи прекратился. И только раз, когда я вылетал на вертолете в Сургут за капканами, продавец магазинчика обменяла шкуру лисы у Ивана Семенович на водку. Мне, по приезду, об этом рассказали строители. Я пришел на разборки в магазинчик, «наехал» на нее, она - на меня: «Да как вы смеете? Я – участник войны!» А я всё равно настаивал на том, чтобы она, участник Великой Отечественной войны, вернула Ивану Семеновичу за шкуру лисы нужные семье продукты. На самом деле, в следующий свой приезд Иван Семенович получил от продавца то ли мешок сахара, то ли мешок муки. Ну, а она после этого так полюбила моего Левку, что как только мы с ним заходили в магазин, она звала его за прилавок, хотя всем запрещала даже в магазин заходить с собаками, и хорошо угощала Лёвку нарезанной колбаской.

Стойбища аборигенов располагались друг от друга в десятках километрах. Но поразительно, как точно и быстро они узнавали о хороших или печальных новостях, происходящих у своих соседей. Мне кажется, эти живые быстрокрылые новости были более ценными, востребованными, чем сейчас сотовая связь. Все очень быстро узнают, что на базе КС-2 «Орт-Ягунская» появился Русский Хант (так аборигены меня прозвали), который помогает реализовывать пушнину, мясо, рыбу по хорошей цене и главное – расчет сразу, либо деньгами, либо по желанию – продуктами (мукой, сахаром, как правило, их брали мешками), или по заказу, в том числе и материей.

Вся аборигеновская округа потянулась сюда – на «Орт-Ягун». Как ни странно, довольны были и аборигены, и покупатели пушнины, да и все работники компрессорной станции. В моих действиях меня все поддержали.

Но был и печально-поучительный случай.

«Ну, я откинулся, какой базар-вокзал!»

Практически мы все, часто или редко, много или мало, потребляем алкоголь. Когда речь об этом заходит, все рассказывают, как часто тот или иной собеседник выпивает. О себе я говорю – и я люблю выпить, но никогда не маялся похмельем, никогда не пил более одного дня и эти качества, вкусы сохранились и по сей день.

Но нет! Однажды я попал в ситуацию, когда трое суток не просыхал от духов (ударение на «о»)!

База быстро обустроивалась. Уже построены и заселены работниками два брусовых общежития. Брус, доски и прочий строительный материал завозились вертолетами МИ-8, МИ-10. Дороги-зимника до Сургута еще нет, и накатают его только к концу декабря. Железная дорога только строилась.

Что творил начальник СУ-6 Мельников? Почему он понапринимал на строительство КС -2 столько зэков? Мы этого начальника недолюбливали и было за что (это тема отдельного рассказа).

Один из зэков на стройку приехал с женой. А жили мы тогда еще в палатках. Но вот этот зэк тогда ничего не делал – не ходил на работу, не дежурил в палатке. Я тогда еще работал в комплексной бригаде и было нас более сорока человек.

Как-то в один из вечеров бригадир Шубин Николай Михайлович и костяк бригады решили большинством голосов проучить, повоспитывать зэка, заставить его работать. Да куда там! В ответ слышали: «Я на зоне не пахал и здесь мне запахло работать!» Вообще, он своей наглостью вывел всех из себя, началась махаловка и зэк своим отработанным механизмом, молниеносно у него меж пальцев оказывается лезвие от безопасной бритвы, он взмахом руки полоснул по глазам одному из мужиков, который успел отклонить голову и тот бритвой порезал ему переносицу. Этот, наверное, для него стал последним на воле, впрочем, все к этому и шло. Мужика мог оставить без глаз! И тут, уже без сюсюканий, руки ему скрутили за спиной, связали ноги и единой веревкой за связанные руки и ноги его

подвесили. В кино что ли этому мужики научились? Это была дыба еще та! Но жалости к зэку ни у кого не было. Стонала только его жена и то не громогласно.

Утром прилетел вертолет и его отправили дальше наматывать срок.

Рядом с нашими вагончиками находились общаги. Как-то мы с Левкой проходим мимо соседнего общежития, из которого выходит мужчина с ружьем и целится в моего Левку. Я успеваю подбежать, хватаю за ствол ружья, держу его в сторону от себя, Лёвки и уже набежавших людей. Начинается драчка – оба уцепились за ружье, руки заняты, пинаем друг друга ногами, что-то кричим. Уже нас обступил народ, в основном, женщины.

Вдруг ружье стреляет и, слава Богу, никого не убило! Тут набегают мужики, нас растаскивают, стрелка скручивают. Я беру ружье и со всей силы ударяю прикладом по сосне. Приклад - вдребезги. Ружье – ствол с магазином и цевьем скручиваю ружейным ремнем, забегаю в свой вагончик и прячу.

Стрелком оказался бывший зэк. Вмиг со стройки понаехали начальники, его решают поместить в какую-то железную будку под замок. О происшествии было доложено в Сургут, и на следующий день на вертолете прилетел участковый. Он всех допросил, снял показания. У меня, разумеется, спрашивал о ружье, настаивая на его возврате в органы. Да куда там! Я в азарте поясняю: «Стрелок чуть не убил мою собаку, а потом мог и меня пристрелить или кого другого – тогда я в ярости разбил ружье и спустил его в туалет». Туалеты были, как обычно в те времена, общими – на улице. Участковый не стал ружье искать в глубинах человеческих отходов.

И буквально на следующий день про ружье спрашивает мой хороший друг – Колька Симонов.

- Да куда я его не дел, ружье у меня в вагончике припрятано, - отвечаю.

- Если не жалко – отдай его мне, - просит Колька.

Я с удовольствием вручил ему одностволку. Он родом был с Украины, с города Краматорска. Ни один раз он хаживал со мной на охоту. К охоте у него появился азартный интерес. Пусть, думаю, принаравливается к этому делу, а приклад к ружью – сам делает, либо купит в Сургуте.

Но вернемся к стрелку. Его, связанного, перевозят на вертолетку, потом в Сургут. Больше мы его не видели. Ну, думаю, мне сейчас точно «кранты»! Придут – рассчитаются за своего братана. Вечером вваливаются в вагончик четверо бывших зэков. Сейчас, думаю, без долгих разборок подведут итог. Но все оказалось с точностью до наоборот - все ко мне чуть ли не с лобызаниями, жмут руки, благодарят: «Ну, ты, Толик, молодец, не дал пристрелить своего Лёвку!» Мне до сих пор не понятно. Неужели такое отношение ко мне было только из-за Левки?!

Вытаскивают и сваливают на стол из своих карманов большую кучу флакончиков с духами. Весь стол завалили фанфуриками - именно так зэки называли эту тару.

Говорят: «Толик, мы это дело должны отметить!» Принесли с собой и какой-то закусон, в магазинчике, кроме духов, набрали и колбас. Я никогда не потреблял вместо алкоголя духи, но в этой щекотливой ситуации отказаться было трудно. Попробуй сказать: «Нет, ребята, я духи не пью»! Прикончат еще на хрен...

Зэки организовали стол, стрясли духи из фанфуриков в стаканы, нарезали колбасы, хлеба. Чувствую, что в чистом виде эту белиберду я вряд ли выпью – это ж не водка, это – духи с соответствующим ароматом и приличными градусами – 70-90! «Мужики, - говорю, – я, наверное, буду разбавленные духи пить!» «Разбавленные - так разбавленные!» - отвечают гости. Наливают в стакан с духами воды, и эта смесь на вид становится не как спирт, разбавленный водой – образуется какая-то взвесь мутного, молочного цвета, кисельного состояния. Ну, вообще, оДУХотворяемся по самое некуда! Я вырубаюсь!

Наутро собутыльники – ДУХоборцы снова приходят ко мне, поднимают меня еле живого и снова начинаем причащаться. До упаду! И так три полных дня!

На четвертый день, утром, я в отрубе лежу на полу после вчерашнего ДУХопрчастия. В вагончик заходят бригадир и почти вся бригада. Наверное, видя, что я оклёмываюсь, Игорь говорит: «Ну, что будем делать с Толиком? Три дня пьянствует, не работает. Как бы мы его не уважали, но надо и меру знать. Что будем с ним делать? Увольнять?» Вообще, бригада решает - как только я очухаюсь, они мне тихо, по-мирному скажут, чтобы я писал заявление на увольнение по собственному желанию. В то же время слышу, как Игорь говорит, чтобы больше никого из посторонних в вагончиках не было: «Пусть Толик очухается!» Я решил: «Всё! Завязываю с духами. Лёвка рядом лежит. Облизывает мою, но уже морду.

Наверное, еще пару дней я приходил в себя. Здоровье подорвал, грудь впала. И спасибо бригаде – увольнять меня не стали. Я оклемался, вошел в рабочий и охотничий ритм. Всё вернулось на круги своя.

Вот так вот я три дня упивался духами. Потом долго я не мог терпеть их запахов – меня от них тошнило.

Вот и подошел я, наконец, к рассказу о Нем. У народов ханты и манси медведь – тотемное животное. Об этом я, конечно, знал, еще по Тугиянам, где родился, где прошло мое детство. Еще совсем малым, лет шести-семи, я хаживал с пацанами на Медвежьи пляски или Медвежьи игрища, сейчас по-разному это называют. Но в те далекие годы в Тугиянах, да и не только, это было не театрализованное представлением, все происходило согласно вероисповеданию аборигенов. В те годы был жесткий запрет на Медвежьи пляски и на все, что было связано с язычеством, шаманизмом. Обряд этот проходил скрытно. «Чужаков» на такие игрища не пускали, да их и не было в деревне.

Семья и быт Сопочина

Мы очень сдружились с Иваном Семеновичем, его сыновьями. Я старался помогать ему во всем. Как-то в один из своих приездов Иван Семенович сказал: «Толя, ката путит пальшой снек, ты пайтешь к Нему кости». Говорил он не очень хорошо на русском языке, придется переводить, дословно это звучит так: «Толя, когда будет большой снег, ты пойдешь к Нему в Гости».

Числа 15 декабря Иван Семенович приезжает на оленьих упряжках за мной. Игорь, бригадир, и вся бригада меня с удовольствием отпускают на охоту на медведя на столько дней – на сколько потребуется. Никаких заявлений я, конечно, не писал. Кроме азартного интереса у бригады было желание покушать медвежатину, если, конечно, все сложится удачно. А они в этом были уверены.

Середина декабря месяца - дни самые короткие. На стойбище мы подъезжаем уже в темноте. Стоит чум. Зимний – конический шалаш из жердей, покрытый оленьими шкурами.

Заходим в чум. В семье Ивана Семеновича три сына и дочь.

Старший сын Николай, ему лет 15-17. Правая рука полувысохшая, но он приноровился и по хозяйству все делал – обихаживал оленей, запрягал, управлял ими, занимался охотой, рыбалкой. В школе не учился, русский язык почти не знал, но деньги умел хорошо и безошибочно считать.

Потом – Витя, лет двенадцати. Два года его забирали на учебу в интернат. Тогда, перед началом учебного года, по стойбищам летал вертолет и детей почти что силком, принудительно забирали, увозили в село, где был для них интернат. После двух лет мытарств, он перед сентябрем, заслышав вертолет, куда-нибудь убегал, прятался. Родители к этому так относились: хочет – пусть учится, не хочет – пусть убегает. Не заставляли, не принуждали к учебе. Они хорошо знали негативную сторону интернатовского

существования. Но при этом, Витя лучше всех понимал и разговаривал на русском языке.

Младший сын Толя – Анатолий Иванович, мой тезка. Такой шавутной, веселенький молодой мужичок лет семи-восьми. Всегда был занят какими-либо хозяйскими делами, умело обходился с оленями, управлял ими, запряженными в нарты. Мы с ним сдружились. Он всегда приезжал с отцом к нам на базу. Его все интересовало – был любознателен.

1977 год. Компрессорная станция «Орт-Ягунская». Очередной приезд аборигенов на базу. В малице на нартах – Анатолий, младший сын Ивана Семеновича Сопочина. Рядом с ним – строители КС и я со своим закадычным дружкой Левкой.

И уже потом, лет через двадцать пять, курируя в округе вопросы жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, я его встречал в Когалыме и в Русскинских на оленьих гонках. Анатолий всегда становился чемпионом всех гонок на оленьих упряжках, где бы он не участвовал. Не единожды встречал его и в Ханты-Мансийске, когда он со своими оленьими упряжками и с семьей приезжал для работы на стилизованных стойбищах, которые специально устанавливались для гостей и жителей города во время проведения значимых мероприятий – телевизионного фестиваля «Дух огня», кубков, Чемпионата мира по биатлону. Бывал он с семьей и у меня в гостях.

И я ему помогал. Как-то его вместе с семьей пытались его же соплеменники согнать со стойбища, родовых угодий. И такое бывает! Этот произвол я тогда остановил и обязал Ноябрьскую нефтегазоразведочную экспедицию, которая работала на территории его родовых угодий, помогать его семье, заключить с ним экономическое соглашение. Все условия соглашения экспедиция исполнила, сдружилась с семьей Сопочиных. Они мне частенько высылали фотографии, подтверждающие их деятельность и партнерские отношения с этой семьей.

Работники Ноябрьской нефтегазоразведочной экспедиции в гостях на стойбище у Анатолия Сопочина.

Самая младшая в семье – дочь, ей годика четыре-пять.

Когда зашли с Иваном Семеновичем в чум, супруга Ивана Семеновича сразу, ну очень недовольным тоном мне предъявляет заслуженные претензии: «Вы почему спаиваете Ивана Семеновича? Почему за меха, мясо даете ему водку, одеколон?» Мне было крайне неудобно. Все мы были виноваты. Оправдываться я тогда не умел и сейчас не нажил себе таких способностей. Спасибо Ивану Семеновичу, он рассказал хозяйке, кто я – она успокоилась.

Иван Семенович достает полмешка картошки замороженной,

показывает её мне, спрашивает: «Что с ней делать?» В последнее время в нашем магазинчике появилась и картошка, я её всегда давал Ивану Семеновичу, заворачивал её хорошо, чтобы она не замерзла на нартах. Рассказывал, как её использовать. Я – обской житель, здесь аборигены, наверное, еще в начале 20 века начали потреблять картошку. А стойбищные - сроду её не садили и не ели. И об этом я тогда не догадался.

Иван Семенович достает еще один мешок, наполовину заполненный всякими супами в пакетиках. И их они ни разу не варили – не их это пища! «Попробуйте, - говорю, - сварить эти супы собакам, может, будут есть, хоть продукт не пропадет даром!»

Ночевать мы в этом чуме не стали. В ночь все семейство, со мной, на четырех оленьих упряжках выехали к другому их стойбищу. У оленьих аборигенов, как правило, их несколько: зимнее, где много ягельников – основного зимнего корма оленей, и летнее, с обильной оленьей травой. Еще есть стойбища, богатые рыбой, дичью... .

Стойбище, куда мы выехали, было не так далеко от берлоги медведя, к которому мы должны были пойти в гости. Это долгое ночное путешествие на оленьих упряжках для меня было впервой.

Лунная декабрьская морозная ночь. Олени несут нас. На открытых пространствах снег неглубокий, плотный - олени летят! Такое песенное было настроение! Так и вертелись на языке, в ритме оленьего бега и снега, летящего на нас из-под их копыт, слова популярной в то время песни Полада Бюль-бюль Оглы: «Эх, догоню, догоню, догоню, беглянку догоню!» Непередаваемое и незабываемое состояние!

Подъехали к стойбищу. Первым делом все, и я тоже, поцеловали в голову большого медведя. Она был размещена на невысокой эстакаде у чума. Как положено, лежала на четырех лапах. Этого медведя Иван Семенович добыл со своим взрослым племянником и старшими сыновьями не так давно. Медведь был огромным. В него они стреляли семнадцать раз. Почему они

успели в него выстрелить столько раз, не единожды перезаряжая ружья, и он, при этом, их не задрал? В этом и есть преимущество технологии добычи медведя зимой по глубокому снегу.

На стойбище был остов чума. Быстро надели на него брезентовую накидку, убрали в чуме снег, установили печь-буржуйку, растопили её - поставили чайник.

Поели оленины, сваренной еще в предыдущем чуме, попили чаю. Супы стойбищные аборигены не варят. В их простом и незатейливом быту нет тарелок. Мясо отваривается в кастрюле, причем, много мяса и большими кусками. Получается очень вкусный, не постный навар. Наливают в кружки – тоже не маленькие. И этот наваристый суп пьют из них. Вареное мясо раскладывают в деревянные неглубокие долбленые блюда. Каждый своим ножом срезает куски мяса – едят, запивая наваром из кружки. Еда простая, но вкусная и полезная.

Наш век недолог?!

Расскажу об очень важных фактах, которые некогда были известными и популярными. Их часто озвучивали у нас в школе, о них вещали по радио, писали в окружных средствах массовой информации и средствах массовой информации Советского Союза.

Это было в конце 60-х, я уже всё понимал, видел и запоминал. Тогда часто говорилось о том, что коренные народы Севера (не только ханты и манси) по продолжительности жизни занимают второе место после кавказских народностей. По крайней мере, на моей памяти, в Тугиянах все так и было. Было много стариков и, особенно, женщин за 80 лет (многие молодые и среднего возраста мужчины погибли в Великую Отечественную войну).

В 70-х годах все поменялось. Началось промышленное освоение

северных территорий. Появилось много приезжего люда, началось массовое потребление алкоголя. Появились всевозможные консервированные продукты питания. С этого периода северные народы начали вымирать. Мало кто из мужчин доживал до преклонных лет. Отсюда и продолжительность жизни аборигенов скатилась до 42-45 лет. А о продолжительности жизни за 80 лет теперь никто не вспоминает.

Размеренный образ жизни, людские взаимоотношения, система питания и являлись основанием для долгожительства.

Живой пример по средней продолжительности жизни для аборигенов Севера. В первый класс я пошел в 1962 году в деревне Тугияны. Феноменально или (и) уникально, или (и) исторически, наш класс по числу учащихся был самым многочисленным за всю историю деревни Тугияны. Нас было 14 человек, парней было только четверо: Гришкин Боря, Гришкин Каллистрат, Себуров Терентий и я. Гришкин Борис и Себуров Терентий прожили очень мало. Тереха не дожил и до 20 лет, а Борька – чуть более 20. Если мы с Каллистратом проживем до 80 лет (дай-то Бог!), то средняя продолжительность жизни парней-одноклассников будет 50 лет. А если по 70 лет, то наша средняя продолжительность составит 45 лет.

В общем-то, таким образом, и формируется средняя продолжительность жизни аборигенов.

Сегодня в Тугиянах проживает только один старожил – Гришкина Пелагея Алексеевна, ей 86 лет. К большому сожалению, 21 августа 2018 года, не стало Гришкина Матвея Романовича, ему было 82 года.

Канун встречи с Ним

У аборигенов, ведущих традиционный образ жизни, совсем другой, отличный от остальных групп населения, уклад жизни – размеренный, неспешный, связанный, в том числе, и с продолжительностью дня,

количественной возможностью улова, добычи продукции рыбы, зверя, дичи.

Такой размеренный уклад жизни касается не только стойбищных аборигенов. В таком режиме живут и в деревнях. На моей памяти, с весны у коренных народов начинается активный ритм жизни, можно сказать, сверхактивный. Может, этот процесс заглох с 90 годов? Тогда рыбаки практически день и ночь ловили рыбу. Сети летом проверяли по несколько раз в сутки. Рыбу сдавали на плашкоуты. Помню, многие семьи за лето зарабатывали на рыбе денег, достаточных для покупки снегохода «Буран». Тогда он стоил 2,5 тысячи рублей, а приемная цена рыбы была копеечной! Вот и представьте, какие тогда были объемы добычи.

До встречи с Ним живу в чуме Сопочиных. Время на стойбище протекает совсем по-другому, не так, как у нас. Мы как живем? И летом, и зимой - у нас один режим. А здесь все подчинено силам и явлениям природы, вся жизнь организована в согласии с ней. И это, я считаю, очень правильно.

В один из вечеров Иван Семенович сказал: «Саптра утрам рана станем, паetem морта сматреть». Для меня «рано» - значит, часов в семь.

Укладываемся спать. Правую сторону от буржуйки занимает Иван Семенович с супругой и дочкой. Левую – я и три сына Ивана Семеновича: Коля, Витя, Толя. Все ложатся спать на олени шкуры. Иван Семенович раздевается до пояса, ложится на шкуры и укрывается женской шубой – Сах (распашная шуба – олени мех с орнаментом снаружи, изнутри обшита обработанными пуховыми лебяжьими шкурками). Должно быть, эти шубы очень теплые, потому что Иван Семенович никогда за эти дни не просыпался, спал, как убитый.

Сыновья Ивана Семеновича спят в верхней легкой одежде под шкурами. Я же спал на оленьих шкурах, да еще и под оленьими шкурами – в ватном костюме и даже в шапке, которая примерзала к брезенту, что покрывал чум.

С вечера разыгралась метель. Ночью сильный ветер распахивает вход в чум. Враз наметает снега до самой буржуйки. Но никто не встает - все спят! Пришлось мне встать. Отворот закрыл, приложив на него несколько чурок. Лег спать. Через какое-то время ураганный ветер снова распахивает отворот – снег кружит по всему чуму. Ну, думаю, вставать не буду, пусть кто-нибудь другой встает, прикрывает отворот. Но! Как бы не так! Все спали!

Утром первым поднимается Иван Семенович. Спокойно, без матерных слов убирает сугроб в чуме. Встаю и я. Утро здесь – не 7-8 часов. Начало светового времени - где-то около 10 часов. Все дети, кроме Вити, встают, выполняют свои обязанности, без напоминаний, без принуждения родителей.

Затопили печь, поставили чайник. Чайник вскипел - попили чаю. Иван Семенович вышел на улицу, откопал занесенный снегом мешок со щурогаем. Достает рыбу, начинает на чурбане её мельчить. Олени на этот звук – рубки топором щурогаю – набежали. Иван Семенович их угощает, подкармливает кусками мороженой щучки. Они их уплетают с превеликим удовольствием. Ну, как ребятишки конфетки!

Иван Семенович с ребятней запрягают оленей в две упряжки, загружают нарты нужным инструментом – топором, пешней, лыжами, пустыми мешками для рыбы, двумя саками для очистки прорубей ото льда и снега. Все это скрепляется веревками. Снова заходим в чум, снова пьем чай. Вот такой процесс подъема РАННИМ утром на рыбалку. Всё это время один Витя не вставал, так и спал под оленьими шкурами.

- Почему не встает? - спрашиваю я у Ивана Семеновича.

- Витя тва кота интернат хатил, маленька портился, все харашо, щас станет, рапотать путит, - отвечает Иван Семенович.

Меня удивила реакция отца, да и всей семьи – никто Витю не заставлял вставать, работать, не приказывал, не орал, не материл – как должно было быть, по моим понятиям, в любой не стойбищной семье. Меня

уже тогда ошеломила правильная позиция родителей. Они знали, что жизнь на стойбище исправит Виктора, и все это произойдет без внутрисемейных эксцессов, без ругани и враждебности.

У Него в гостях

22 декабря 1977 года. Это тот день, когда мы поехали к Нему в гости, снимать Ему Шубу. Поехали на двух оленьих упряжках – Иван Семенович, два старших сына – Коля с Витей, и я. Иван Семенович взял своих собак, а их не мало – пять. Он сразу сказал, что только один Кунчи пойдет на медведя.

Со слов Вити, Кунчи переводится, как Горноста́й. Правда, горностаевого в нем ничего не было. Так, невзрачный серо-темно-бурый кобелек, но проверенный надежный медвежатник. Взяли две двустволки, в том числе мою, и одну одностволку.

Расскажу о технологии добычи медведя Иваном Семеновичем Сопочиным. А может, этой технологией пользовались, да и сейчас пользуются оленные аборигены?

Берлогу находили поздней осенью или уже в зиму. Ждали, когда навалит побольше снега, чем больше, тем лучше.

Технология добычи медведя основана на том, что он всю зиму спит в берлоге, поэтому физиологически не способен быстро бегать по глубокому снегу.

Охотники на нартах подъезжают к берлоге метров на 25-30, разворачивают нарты в обратную сторону от берлоги, садятся на задний край нарт, свесив с них ноги, лицом к берлоге. Погонщики оленей сидят наизготове. Задача: собаки должны выгнать медведя из берлоги, охотники стреляют в него, погонщики, активно понужая оленей, быстро покидают это место. Если медведь сразу убит, то охотники останавливаются, возвращаются к берлоге, если нет, то отъехав на нужное расстояние, упряжки

разворачивают, догоняют медведя, который не так далеко должен убежать от берлоги, и простым нажатием на курок завершают эту технологию. Именно по этой технологии и началась охота на медведя, но кем-то были внесены существенные правки в нее...

Как только мы подъехали к берлоге, мой Левка, которому всего-то месяцев восемь, который и медведя-то никогда не видел, но здесь, почуяв его, бросился к берлоге - грива встала дыбом. Вдвоем с Кунчи начинают лаять в берлогу, вход в нее уже открылся – снег обвалился, и Левка чуть туда не сваливается, по крайней мере, видно, как он, почти наполовину туловища с лаем влетает в берлогу.

Ну, а мы, как и положено по технологии, сразу развернули обе нарты от берлоги - Коля и Витя сидят на стремени. Мы с Иваном Семеновичем, свесив сзади нарт ноги, сидим с ружьями наизготове, направив стволы в сторону берлоги.

Наша с ним задача - как только медведь выскочит из берлоги - стрелять в него, а ребята тем временем, понужая оленей, должны дать дёру от него. Если мы с Иваном Семеновичем его не «уложили», нарты разворачиваем и уже спокойно догоняем его на болоте.

22 декабря 1977 года - самый короткий день в году. Морозец приличный и уже долгое время медведь не выбегает из берлоги. Я -молодой, мне исполнилось 22. Горяч. Я решаюсь подойти ближе к берлоге, постараться как-то разозлить медведя, «поторопить» его покинуть родные пенаты. Он, разумеется, давно не спит - с нашего появления. Периодически медведь из берлоги отгоняет собак - очень быстро, мгновенно, взмахивая из берлоги своими лапищами. Стрелять в лапы, конечно, не будешь!

Я подхожу к берлоге метров на 5-7, что-то там кричу ему. Он никак не реагирует, да и лапами перестал махать. Я стреляю из одного ствола чуть в сторону от берлоги, чтобы все-таки его выгнать. Этот шаг был, конечно, бесшабашным. Иван Семенович кричит: «Толя, не хоти тута, типя он кушает

- твой начальник мая турьма сатит!» Я послушался Ивана Семеновича, вернулся, сел на свои нарты. Его четыре собаки крутятся возле нарт, визжат от страха и злости. Мой Левка подбегает ко мне, я его по-хозяйски, поощрительно потереблю за взъерошенную гриву, он, получив одобрение, снова с удвоенной яростью бежит к берлоге. Глаза у него стали ярко-зеленые, я такое увидел впервые.

Левка в очередной раз подбегает ко мне. После моей поддержки снова метнулся на берлогу, но тут под его лапы попала одна из собак Ивана Семеновича, Левка в ярости отбросил её в сторону. И началось! Все собаки Ивана Семеновича, боясь медведя, визжа и крутятся у нарт, весь свой истерический страх обрушили на Левку. Прибежал от берлоги и Кунчи. И все пять напали на моего Левку. Каким бы он ни был сильным, храбрым и отчаянным, но пять собак!!! Я начал их раздирать от Левки, распинывать, голыми руками расшвыривать - да куда там! Все собаки в ярости, в раже! Не получается! Я их пинаю, ору – бесполезно! Вдруг вижу кровь на глазах у Левки. Всё, всё, всё забыто! Думал, порвали Левке глаза. Схватил ружье за стволы и начал со всей силы бить собак Ивана Семеновича прикладом...

Воюю с собаками, ору, собаки визжат. И тут каким-то боковым зрением узрел своих соплеменников. Они яростно погоняют оленей хореем, оглядываясь каждые полсекунды в мою сторону. Я резко поворачиваюсь назад – медведь, вот он! В нескольких метрах! Уже бежит от меня в сторону берлоги и дальше в лес! Я скидываю ружье, весь запыхавшийся - а это-то и оказалось для меня благом. Быстро навожу ружье на медведя, все, мгновенно нажимаю на оба курка – дуплечу! И, слава Богу, я промазал! А если бы я попал в зад бегущему медведю, то он бы успел развернуться, пока я перезаряжаю ружье, по своим следам мгновенно подлетел бы ко мне и разорвал бы меня. Собаки, услышав выстрелы, забыли про смертельный бой – рванули за медведем. Что интересно, собаки, которые боялись Его в берлоге, здесь все скопом – и Кунчи, и Левка метнулись за ним.

Я оборачиваюсь к своим напарникам по охоте, они, развернув нарты, едут в мою сторону. Еще издали я увидел, что все они, то ли дико смеялись, то ли плакали – не понятно. От хохота или рёва их головы падают на колени, наклоняются почти до нарт. Подъехали, сваливаются, хохоча, с нарт на снег, крутятся, держась за животы. Потом, ухватившись за нарты, заползают на них. По физиономиям трудно определить – то ли у них истеричный хохот, то ли истеричный плач! Такого состояния я никогда и ни у кого больше не видел. Еле придя в себя, они с подвываниями, хохочущим ревом, вытирая слезы, рассказали, что произошло.

Когда я начал разнимать собак, они сидели на нартах. Еще все их внимание было приковано к берлоге. А когда я стал собак лупить прикладом, они уже отвернулись от берлоги, кричали на своих собак. Медведя, который вылетел из берлоги и мчался уже к нам, они увидели запоздало, но у них хватило прыти погнать оленей от этой свары, уже и от Него (да и от меня), что их и спасло.

Из их рассказа вздох я понял, что медведь подбежал ко мне со спины, собаки тоже его не видят, им не до того – бьются насмерть с моим Левкой. Медведь вскочил на свои задние лапы, встал надо мной, широко раскинув свои передние с мощными когтями, чтобы одним махом снять с меня скальп или оторвать голову – условия для него были просто идеальными. Но что ему помешало ЭТО сделать – мне до сих пор непонятно. Необъяснимо! Он вдруг опустил на свои четыре лапы, развернулся и дал деру в сторону леса. Иван Семенович с сыновьями все это видели и представляли, что было бы, если бы медведь задрал меня. Его точно бы тогда упрятали и надолго, а это было бы концом для всей его семьи, как, впрочем, и для него в каталажке.

Иван Семенович с сыновьями пришли в себя, мы все садимся на нарты, разворачиваемся назад, метров через сто пятьдесят большой прогал (леса почти нет), и пот нему мы выезжаем на болото. Медведь недалеко

убежал по глубокому снегу. Мы его догоняем и метров с семидесяти до него делаем один выстрел. Медведь останавливается, отмахивается от своры собак, хотя все они не подбегают к нему в упор. По глубокому снегу и они не такие прыткие, чувствуют опасность, и облаивают медведя со всех сторон и в пяти-семи метрах от него. Медведь делает рывки в сторону собак, потом приседает на пятую точку и собаки к нему ближе уже подбегают, лают, крутятся вокруг него. Он еще какое-то время, сидя, отмахивается от них, потом медленно валится на бок.

Иван Семенович хотел для верности стрелять в лежачего медведя. Но все мы знаем, что медведь может притвориться мертвым, он будет терпеть и собак, будет ждать приближения к нему охотника – главного своего врага, а там и «разберется» с ним. Я прошу Ивана Семеновича не стрелять в него, во мне в очередной раз сыграла стойкая природная установка - не стрелять в возможно уже убиенное животное, не портить шкуры. Я решаюсь подойти к медведю ближе – визуально определить его состояние. Я и тогда знал - если медведь притворяется, то он лежит в напряге, в напряженном состоянии, и собаки, которые его уже рвут, не должны, не смогут его раскачать. У медведя, который ждет охотника и затаился - уши всегда прижаты. Подхожу к медведю с ружьем наизготове, он лежит вялый, собаки его дерут – он, как студень, уши не прижаты. Я машу своим соплеменникам: «Сюда, все в норме!» Иван Семенович кричит мне: «Стреляй в него!» Я ему в ответ: «Нет, не надо, все в норме!» Они подъезжают радостные. Я подхожу к медведю, трогаю его – всё! Одобрительно треплю Левку, глаза его, слава Богу все целы.

А Левка, видимо, решил, что это добыча наша – его и моя. Всех собак он в ярости начал отгонять от медведя. Все пять собак Левку уже боятся, видят его напористость и хозяйские, старшинские качества. Сидят и скулят в стороне от Него и Левки.

Добыча медведя для аборигенов - это событие. Это не охотничий

трофей. Мы сходили к Нему в Гости, а сейчас пришла пора снимать Ему Шубу. Здесь, с этого момента, начинаются ритуалы, отдельные из которых имеют для меня последствия и по сей день.

Эту историю я рассказывал многим своим друзьям, коллегам, однокурсникам. Рассказывал в разные годы и по многу раз. Но я никогда и никому не рассказывал и никому не расскажу - кто стрелял в Него. В те годы я сразу решил и почувствовал, что так и должно быть – я не стал делать из этой истории какую-то тайну, какой-то, якобы, запрет, табу - не разглагольствование на эту тему. Решил все рассказывать. Наверное, я получил от Кого-то некое «добро» на Это. Но вот говорить о том, кто стрелял в Него - здесь что-то есть для меня запретное, не знаю, от Кого и почему. Хотя, по большому счету, по хантыйским неписаным правилам, законам, не важно, кто стрелял в Него, кто добыл Его. Хозяином медведя считается тот абориген, кто нашел берлогу, кто привел к Его Дому. Иван Семенович – он хозяин, он добытчик и знаток всех ритуалов.

Ритуалы

Снег вокруг медведя собаками утоптан. Первое действие – надо показать Ему – кто из нас самый сильный. Все были радостные, веселые, чувствовался душевный подъем. Ребята, конечно, слабы, в отличие от нас с Иваном Семеновичем. Но и они обязательно, с шутками провели этот ритуал – поборолась между собой, в большей степени для проформы – обязательность соблюдения ритуал. Схватываемся в борьбе и мы с Иваном Семеновичем. Между прочим, Иван Семенович высокого роста, не на много, но выше меня, строен, здоров. Но у меня силенок оказалось побольше – я его поборол, уложил на снег. Сколько было радости, все довольные, искренне смеялись - и Иван Семенович, и его сыновья, что я поборол Ивана Семеновича - их отца. Все это было откровенно, без каких-либо ревностных чувств.

Следующий ритуал и, наверное, один из основных (хотя все ритуалы по значимости равноценны) – снятие с Него Шубы. Уже потом не раз читал в разных исследовательских работах про это. Где-то пишут, что вместо пуговиц использовали какие-то сухие веточки и т. д. Я сейчас твердо убежден - те ритуалы, которые проводил Иван Семенович, и в которых я участвовал - самые правильные, самые точные, переданные ему предками.

Позже, через 20 лет, я узнал, что Иван Семенович был очень сильным шаманом, с чем я и столкнулся при проведении им некоторых ритуалов. Но в те годы шаманизм был под запретом, и мы воспитаны были атеистами, а потому многого я тогда не понимал, да и не стремился понять.

Количество расстегиваемых пуговиц на Его Шубе - тоже в разных источниках разное. Медведь устраивает берлогу в таежной части лесов. Здесь всегда есть хвойные деревья, и «пуговицы» - везде, на мой взгляд, должны быть одинаковые, из одного материала. Иван Семенович сразу сказал, пуговицы - это спаренные хвоинки сосны (где мы его добыли - на болоте росли невысокие сосенки). Возможно, пуговицы могут быть и из спаренных кедровых хвоинок.

«Расстегивание» Шубы начинается, как и у человека, с верхней пуговицы - у горла. Острым ножом надрезается шкура (все-таки кое-где буду использовать терминологию обычного охотника). В надрез между лезвием ножа прикладываются и прижимаются пальцами спаренные хвоинки - делается надрез и шкуры, и хвоинки в месте их соединения. Хвоинки разделяются на две – считается – «отстегнул одну пуговицу». Иван Семенович сказал, что у него всего их пять: «Он был мужиком!» Смею предположить, что пять пуговиц на шубе Его - как пять суток медвежьих плясок. К тому же, могу предположить - у медведя пять душ – пять дней игрищ, пять хвоинок. А у Нее (медведицы) - четыре пуговицы, как четверо суток медвежьих игрищ, как четыре её души. Но это всего лишь мои предположения.

Все-таки, должно быть по пять пуговиц, иначе Иван Семенович должен был сказать об этом. Отстегнув пять пуговиц, надрезав шубу до паха, начинается ее «снятие». По ходу дела Иван Семенович рассказывал обязательные правила разделки туши медведя. Ни в коем случае нельзя сломать ни одной кости, даже самой малой косточки. Они (семья Ивана Семеновича) должны были собрать все до единой косточки, потом в лесу построить небольшой, невысокий лабаз с двухсторонней покатой крышей, и сложить там все кости медведя. Считается, что через определенное время Он должен возродиться, все косточки должны собраться в единый скелет, как и прежде. Такой лабаз с медвежьими костями я видел.

Человек может есть медвежатину только вареную, запрещается жарить, солить, коптить. Иван Семенович говорил: «Если мы нарушим эти святые правила, то Он обязательно будет нам мстить - летом будет нападать на оленей, разгонять их так, что мы оленей не сыщем!». Все негативное, что может происходить с семьей, ее членами, будет приписываться действиям медведя, его кровной обиде.

Расчленяем медведя по суставам, у меня это хорошо получается - я ведь почти два года в Армии работал в магазине, рубил мясо, хорошо знал все суставы, их сочленения. Шкура с головы не снимается, так же как не снимается и с запястий лап.

Сняли Шубу. Иван Семенович с сыновьями аккуратно несут ее на одну из нарт. Голову мордой вперед укладывают на четыре положенные в ряд лапы.

После снятия Шубы начинаем потрошить чрево. Медведь месяца три лежал в берлоге, и кишечник его почти пуст. Много внутреннего жира. Иван Семенович аккуратно вырезает прямую кишку с каловыми массами, их немного, сантиметров восемь - десять. Он ее отрезает от кишечника, достает капроновую нить (заранее все припасено - ну, надо же!), перевязывает оба конца этой кишки и говорит: «Собакам нельзя давать ничего от Него - ни

мяса, ни кишок, ни даже вот этот кусок». Берет его и привязывает повыше на сосенку, насколько только мог дотянуться.

Это было 22 декабря. Самый короткий день в году. Мы выехали от чума засветло, часов в 10, пока доехали, пока проходили все эти экстравагантные ритуальные процессы, сколько уже время прошло? Вообще, должно быть уже здесь часов пять вечера, а это на севере в декабре – уже тьма кромешная! Но сейчас, хоть убей – нет такого в памяти, что было темно. Когда занимались Им, снимали Ему Шубу – было светло, тьмы не бывало, фонарей не было, как будто что-то нам «светило». Но вот когда уже сели на нарты, выехали - то да, всё погрузилось во тьму.

Далее, по традиции последовал еще один ритуал, не менее интересный. Когда подъезжали к чуму, метров за сто до него – нужно было стрелять из ружей вверх, и этими выстрелами мы как бы сообщали о том, что были у Него в гостях, сняли Ему Шубу.

Во всех научных источниках авторы пишут о разных количествах выстрелов. Здесь я снова вынужден указать на правильное их количество. Об этом мне перед выстрелами сказал Иван Семенович. Стрелять нужно вверх столько раз, сколько стволов у нас было, когда мы ходили в гости к Нему - СТВОЛОВ, а не ружей! Ну, какое точное правило, какая точная логическая привязка – по количеству СТВОЛОВ. Если помните начало рассказа - я говорил, что у нас было две двустволки и одна одностволка – всего пять стволов. Мы с Иваном Семеновичем сделали по два выстрела со своих двустволок и Витя один выстрел с одностволки.

Тут, услышав, и, наверное, ожидая выстрелов, выбегают из чума все, кто там были – супруга Ивана Семеновича, Толя и его маленькая сестренка. Они все призывно, в извинительном тоне обращаются к Нему, растягивая слово «спокойно» кричат по-хантыйски: «Спи споко-о-о-ойно, спи споко-о-о-ойно, спи споко-о-о-ойно....». Сколько раз кричали – я не помню, да и не считал и мне ни Иван Семенович, ни Витя не говорили об этом. Наверное,

тоже есть какое-то правило, думаю, кричали о спокойном его сне столько раз, сколько было выстрелов, и это тоже объяснимо.

Мы подъехали к чуму. Жена Ивана Семеновича, Толя и его сестренка, поцеловали голову медведя. Потом ее, со шкурой и лапами, установили на ту же невысокую эстакаду, где уже покоилась голова большого медведя, добытого накануне.

Хозяйка сварила свежего мяса. Фу ты! То в Гости к Нему ходили, снимали Ему Шубу, а теперь едим Его свежее мясо!? Мы с превеликим удовольствием его отведали и здесь не было уже каких-либо чувств – мясо – есть мясо! Процесс обычный и естественный. Попили чайку с сушками. Была уже ночь...

И вот тут начинаются песнопения-легенды – извинение за то, что его пришлось убить.

Песни-легенды

Иван Семенович пел очень длинную песню-легенду. Все мы сидели на оленьих шкурах. Рядом со мной – Витя. Он переводил мне песни-легенды Ивана Семеновича.

Тогдашние аборигены старшего поколения были хорошими астрономами. Многие звезды, созвездия назывались по видам животных. В темное время суток, в ясную погоду, по звездам через дымовое отверстие в чуме Иван Семенович хорошо определял время. В легенде, которую он пел, созвездие Большой Медведицы называлось на хантыйском Курн Вой (Ноги Зверь), так называют Лося. Созвездие Млечный путь – это следы лыж Охотника, который гнался за Лосем. У Лося было шесть ног. Охотник догоняет Лося, мечом отрубает ему две ноги, и после этого Лось уже не смог быстро бегать и стал объектом добычи аборигенов. Вот такой короткий сюжет песни-легенды, но Иван Семенович пел ее долго, часа полтора-два.

После его песни-легенды все просят меня что-нибудь спеть – не важно, какая песня, не обязательно про медведя. «Пой, какую знаешь», - говорит Иван Семенович!» Важно было, чтобы и я спел песню. Они все просили, настаивали, чтобы я все-таки спел песню. Я отказывался. Во-первых, я всегда плохо пел, в начальных классах у меня было две тройки – по рисованию и по пению. Знал я популярные песни 70-х годов, знал песни Владимира Высоцкого. Но все они, на мой взгляд, ну никоим боком не соответствовали этому событию. Я отказался петь. А зря – умеешь, не умеешь, если просят – нужно петь! Отказом ты обижаешь не хозяев чума, а Его!

Камлание

И началось самое сакральное. Иван Семенович берет свой бубен, показывает его мне. Я и раньше видел бубен и знал его конструкцию, но меня удивляла КОЛОТУШКА, которой ударяют в бубен, хотя и не очень мне нравится это слово. Колотушка Ивана Семеновича - кость, предположительно лапы лисы или песца с суставом, обтянутая и закрепленная хорошо выделанной шкурой большой гагары. Только её шкура идеально подходит для этой цели – с нее перья невозможно выдергать, и кожу вместе с перьями снимают ножом, как с любого животного.

И сам бубен, и эта колотушка были далеко не новы. Либо Иван Семенович часто ими пользовался, либо они перешли ему по наследству и ими пользовались несколько поколений Сопочиных.

Иван Семенович начал камлать – ритуал, который сопровождается пением, танцами и ударами в бубен, когда человек входит в состояние транса, общается с дүхами. Иван Семенович бьет в бубен, что-то там напевая и исполняя какой-то незамысловатый танец – ритуальные телодвижения.

Вся семья как-то неожиданно притихла – они как бы прижались, втянули головы в плечи, и в этот самый момент Иван Семенович или духи, с

которыми он общался, отключают меня. Я не помню, как и когда он раздевался голым до пояса. Не помню... Вижу его уже другим. Иван Семенович наклонился вниз, голова набок, побивает в бубен. И вдруг глаза его закатываются – одни белки, без зрачков, во всю ширь глазниц светятся, изо рта пошла густая пена - заполонила все губы, он что-то хрипит-храпит... Эту картину я запомнил на всю жизнь.

Вот тут меня охватил некий мандраж. Я ведь хорошо помню медвежьи пляски в Тугиянах. Тогда в семье, где они проводились, обязательно в качестве жертвоприношения закалывали корову или лошадь, а то и обоих. Все это съедалось всей деревней за дни медвежьих игрищ. И мне в голову пришла нехорошая мысль: «А не хотят ли они и меня в жертву принести!?» Ведь когда Иван Семенович пел песни-легенды, он, в том числе, извинялся перед медведем. Он пел, а Витя мне переводил: «Не мы придумали ружье – это русские придумали! Не мы придумали порох – это русские придумали!» Я не стал тогда его поправлять, что порох придумали китайцы. Вот сейчас, думаю, они могут принести меня в жертву медведю, как потомка авторов и ружья, и пороха – из чего и чем Его убили. Но, Слава Богу, меня в жертву Ему не принесли – сия участь меня миновала.

Здесь снова наступает отключка, меня снова вводят в транс – я не помню, когда Иван Семенович остановился, в каком виде он был, как и кто вытирал пену у рта, когда и как он снова облачился.

Все эти отключки я осознал уже потом, спустя годы. Мне все казалось, и я в этом был уверен, что помню весь процесс. Ведь я не засыпал, не закрывал глаз, все помнил до секунды, до мелочей. Только потом, позже, мне, наверное, вернули способность осознать, что не всё мне было положено видеть.

Ритуал камлания я видел в жизни дважды – здесь, в чуме, в первую ночь после хождения к Нему в гости и второй раз, когда Иван Семенович подарил мне Его Шубу. И снова, как и тогда были те же самые вопросы:

когда Иван Семенович раздевался до пояса, когда камлание заканчивалось, каким при этом был Иван Семенович, как он возвращался ОТТУДА, как и кто в чуме вытирал ему пену с губ??? От этого меня отключали.

Все сидели так же, как и в начале камлания, молча, вжав головы в плечи, как полупришибленные. Странно, но после этого ритуала отношение ко мне изменилось. Я заметил, что все как-то стали сторониться меня, меньше общаться. Но! Относились ко мне более уважительно. Не позволяли мне что-либо делать, сами все перехватывали и исполняли. Это происходило в эту ночь после камлания, на следующее утро и на следующий день до моего отъезда. Тогда, да и сейчас, мне не понятны причины этого.

Я у Ивана Семеновича не просил ни шкуру медведя, ни медвежатины - ни в день его добычи, ни на следующий день. Это было бы крайне невежливо с моей стороны. Ведь мне и так была оказана большая честь: я был приглашен в Гости к Нему, снимал Шубу и принял участие в сакральных ритуалах – и после этого просить шкуру и мясо?! Я считал это глупым и непорядочным.

Но после камлания Иван Семенович, неожиданно для меня, заговорил о Его Шубе и подробно рассказал об основных правилах, которые должен соблюдать её владелец. Оказалось, что Шубу нельзя продавать - её можно только дарить, но дарить только хорошему человеку. Голова со шкурой обрезается, остается в святом углу в чуме. Шуба дарится без головы, но лапы не вырезаются, они остаются на Шубе. Дарить ее можно только через год, но год в этом случае считается не календарным, а, как сказал Иван Семенович, «от снега до снега». То есть, если добыт медведь в декабре, зимой, то подарить можно осенью, когда выпадет первый снег, а так он может выпасть и в конце сентября. Жаль, думаю, я тогда планировал поступать в какой-нибудь вуз на дневное отделение, и еще до первых снегов – в августе я уже отбуду на учебу. Не видать мне этой Шубы! Ну, да ладно, я не шибко расстроился.

На следующее утро мы собираемся выезжать на нашу базу, мне пора возвращаться – уже неделю меня нет на работе. Вот тут Иван Семенович такой благородный жест сотворил! Достает тушу медведя из-под материи и оленьих шкур (на ночь укрывал, чтобы не смерзлась), ловко ножом отделяет всю заднюю часть туши, куда попала и основная часть поясницы с самым толстым слоем жира – в четыре пальца!!! Заворачивает эту часть туши в чистые материи, укладывает на нарты и говорит: «Это – тебе». Я был крайне рад – какой богатый сюрприз-деликатес привезу в бригаду! Мы тронулись в путь...

Исполнение указаний

Бригада была очень довольна моей охотой. Никто такого количества медвежатины, да еще с таким толстым слоем жира, никогда не видел. Бригаде я, конечно, все рассказал, в том числе и о необходимости соблюдения правил по сохранению целостности костей. Абсолютно вся бригада сразу и до конца, пока не съели мясо, соблюдала это правило, даже мне казалось и чересчур. Все до единой кости, косточки мужики тщательно, скурпулёзно вычищали ножами, кости становились чистыми, белыми, без частичек мяса. Я, по мере потребления медвежатины, их собирал, складывал. Потом мы кости передали Ивану Семеновичу, и он остался довольным.

Но одно правило мы все-таки нарушили, причем, в первый же вечер. Иван Семенович говорил, что медвежатину можно только варить. Наш бригадир Игорь, бывший шеф-повар в ресторане, отменный кулинар, прощупав, понюхав мясо, сразу смекнул, как приготовить деликатес – он сначала медвежатину хорошо отварил (поэтому будем считать, что это правило мы нарушили наполовину), потом прожарил на медвежьем жиру – получилось прекрасное блюдо. В ресторанах такого точно не бывает! В общем, мы буквально жировали. Это был вечер 23 декабря 1977 года.

«Расскажи, расскажи!»

А потом началооооось! Кто бы меня не увидел – хватали за руки, тащили в свои комнаты в общежитии, все усаживались, вперивались в меня и нетерпеливо начинали: «Ну, рассказывай!» И так каждый день по несколько раз.

Для всех это было колоссальным, неординарным по тем временам событием. Бригада меня лелеяла и во благо всех других строителей, дабы не лишиться их интересного рассказчика, освободила меня до Нового года от работы.

По первости, я рассказывал в азарте, всем было интересно. Потом мой пыл начал затухать. А потом и вообще, я, как школяр-двоечник, которого вызвали к доске, а он просто вызубрил тему наизусть и рассказывает ее механически, монотонно без запинки и интонаций.

Как-то раз, в середине 80-х годов рассказывал эту историю в Нягани главному маркшайдеру НГДУ «Красноленинскнефть» Пименову Владимиру в его кабинете, где было человек пять-шесть. Когда дошел до момента, как медведь встал надо мной, но что-то ему помешало и почему-то он не сорвал мне голову, Володя говорит: «Медведь поднял надо мной лапы, потом наклонил свою голову к моей голове, посмотрел на меня сбоку: «А-а-а, да это Райшев, махнул лапой, на четвереньки - и дал деру!» Все и я так дружно хохотали. А может, это и было причиной не срывать мне голову?

Предсказания

Наступила весна. Начальство обязывает нас переселиться в построенные новые общежития, но бригада – ни в какую. Конечно, лучше, удобнее, свободнее жить отдельно в вагончиках. Игорь, наш бригадир, где-то в очередной раз надыбал и трактором притащил вагончики-бочки, которые были больше и удобнее прежних...

... Да-а-а, день 18 мая 1978 года мне запомнился, как будто это было вчера. Приезжает Иван Семенович один, без сыновей. Привозит мне в подарок шкуру того самого медведя. Не знаю почему и он нарушил правило: «Шубу можно дарить только через год – от снега до снега». Шкуру у Его хозяина я никогда не просил, но втайне мечтал о ней. О том, что я планировал этим летом поступать в вуз на дневное отделение, мало кому говорил, тем более не говорил об этом Ивану Семеновичу – не его это тема. Он не знал об этом, но шкуру привез, как великий подарок.

1987 год. Город Нягань. Наш младшенький Илья на фоне шкуры медведя, добытого в 1977 году.

Иван Семенович зашел в вагон-бочку. Шкуру мы временно, на период проведения ритуала дарения, закрепили, как ковер, на изогнутую стену вагона-бочки. Иван Семенович разворачивает материю, достает тот самый бубен с колотушкой. Начинает проводить ритуал, стоя перед шкурой. Бьет в натянутую кожу бубна, делает какие-то телодвижения. И снова я – в отключке, снова я не помню и не вижу, когда он разделся до пояса. Иван Семенович продолжает камлать, что-то там подвывает и опять глаза его закатываются – во всю ширь распахнуты, но зрачки куда-то укатились –

сверкают одни белки. Такого состояния самостоятельно никогда никому не создать, будь ты хоть трижды народным артистом. Опять изо рта пошла пена, он как-то своеобразно, не по-человечески мычал, гундосил. И снова я в отрубе – не видел и не помню, когда он закончил это общение с духами, когда и чем утер пену со рта, когда оделся?

После этого священнодействия он рассказал, как я должен относиться к шкуре медведя и кое-что предсказал. Когда он говорил и предсказывал, я слушал его, кивал головой, давая понять, что непременно буду исполнять оговоренные Иваном Семеновичем правила.

Тогда я был атеистом. Конечно, я не мог верить во все то, что он мне рассказал и предрек. Но уже тогда дал себе установку – не делать из всего этого тайны, секретов. Возможно, мне такая установка была навеяна Вышестоящим, или моим Богом? Поэтому обо всем ЭТОМ я рассказывал много раз тому, кому было интересно ЭТО слушать и об ЭТОМ знать. Поэтому запомнил все, практически, дословно.

Иван Семёнович после камлания дал наставления: «Хатить наками Шуба нилься, тик-тик делать нилься! Шуба вешай стена! Черес твацать лет приетишь сюта пальшим начальникам». Предсказания Ивана Семеновича я, конечно, не воспринял серьезно... А зря... Жизнь потом все поставила на свои места и оказалось, Иван Семенович тыщу раз был прав!

Лето 1978 года. Прошло шесть лет после окончания Полноватской средней школы. Я поступил на учебу на дневное отделение Тюменского индустриального института, на геологоразведочный факультет.

О работе геолога я знал, в основном, только из кинофильмов и представлял его молодым человеком, который ходит по лесам, горам, что-то там ищет. В планшете у него – полевой журнал, куда он что-то записывает. Но, самое главное – он всегда с ружьем! Вот эта сторона работы геолога – ходить всегда по лесам с ружьем и определила мой выбор – стать геологом.

Годы летят. С октября 1981 года я работаю в п. Нях, в Нефтегазодобывающем Управлении (НГДУ) «Красноленинскнефть» оператором по исследованию скважин, потом мастером, геологом и т. д.

Весной 1984 года я заженуховался. Невеста Анна жила в поселке Комсомольский (ныне город Югорск), работала в школе учителем начальных классов. 22 июня она приехала ко мне в гости. Жил я тогда в небольшом самодельном балочке, метрах в двадцати от речки Нягань-Юган.

1984 год. Поселок Нях (с 1985 года – город Нягань). Балок, где проживали мы – молодожены. Моя жена Анна рядом с когтищами героя моего рассказа. Внушительная лапка!

Мы, геологи, были дружны и за несколько дней, в майские праздники, построили совсем уж рядом, в десяти метрах от речки, хорошую баньку. Недалеко от моего балочка были построены и строились несколько брусовых общежитий.

Были такие времена – вокруг этих строек полно валялось строительных отходов – брусьев, досок. Из них мы и состряпали прекрасную баньку. Ко дню приезда Анны топили-то мы баньку в мае-июне всего пару раз.

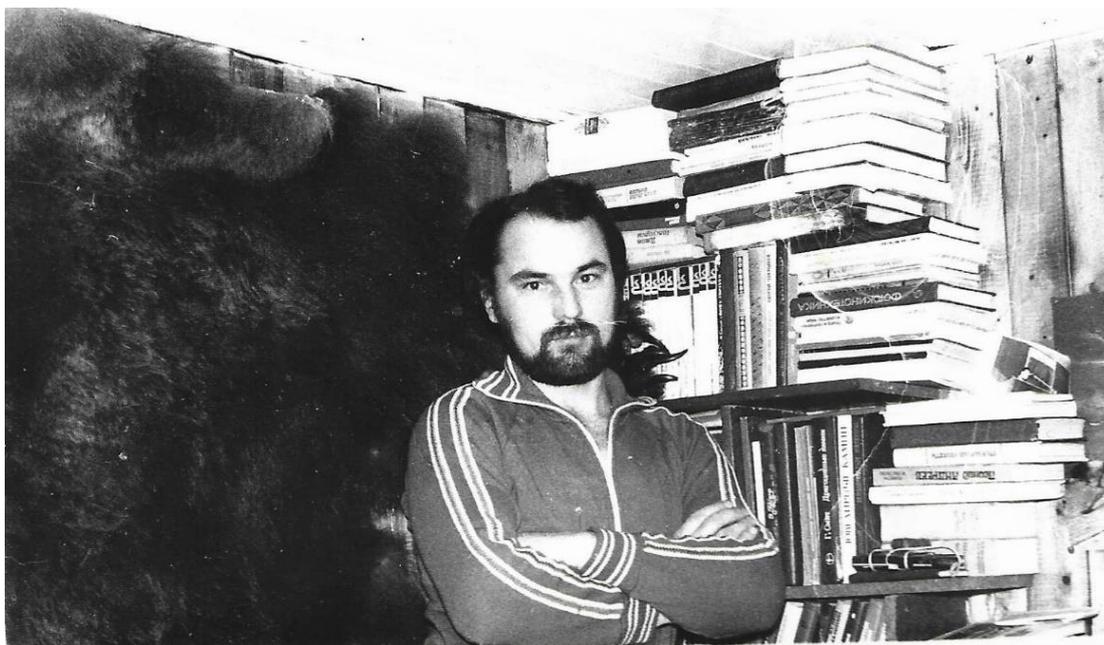
Медвежья шкура – та самая, которую мне подарил Иван Семенович,

висела у меня в балке на стене. Ну, я, конечно, решил шикануть перед невестой – шкуру бросил на пол. Балочек, на самом деле, небольшой, и шкура заняла все его свободное пространство. Молодой, горячий, ну, и использовал шкуру вместо постели.

Это было 22 июня 1984 года. Ну, надо же! Все значимые события, связанные с Его Шубой, происходили либо в самый короткий день в году – 22 декабря 1977 года, либо в самый длинный – 22 июня 1984 года.

Ночь была светлая, и вдруг я увидел огненные всполохи в окошке со стороны речки – горела баня! Времена были другие – людские отношения отличались от теперешних. Вся молодежь, все взрослое соседское население бросились тушить баню. Речка рядом, все с ведрами бегут к ней, черпают воду, потом к баньке и выплескивают ее на пожарище. Рядом с банькой были уже заселены несколько общаг, в основном, молодежью. И в каком –то из общежитий уже был один телефон, кто-то позвонил, вызвали пожарных. К их приезду народными силами баньку залили водой, но и пожарные перестраховались - совсем ее затопили. После всех этих потопов я, для верности, проверил баню со всех сторон, углов – все было в воде – нечему там было гореть. Мы с невестой продолжили использовать шкуру не по назначению. Была ночь, пятница, 22 июня.

Утром стук в дверь. Я встаю, открываю дверь, стоит соседский парень и говорит: «Толик, баня-то сгорела...». Я – на улицу – баня полыхает так, что никакой пожарке ее уже не потушить. Вообще, сгорела дотла – ни полешка, ни головешки. Вот тут-то я и вспомнил о запрете: «Тик-тик телать нилься!» Шкуру сразу водрузил на стену.

1984 год, поселок Нях (ныне – город Нягань). Даже не верится, что семь лет назад именно ОН стоял за моей спиной и дышал мне в затылок....

Почему загорелась банька – до сих пор непонятно. Баньку в эти дни мы не топили, о поджогах тогда никто и не ведал, и их не бывало - времена были другие. Врагов у молодого геолога тоже не было. По-моему, и по жизни у геологов врагов не бывает.

Шли годы. Я все так же работаю в нефтяной отрасли в Нягани. С 15 августа 1985 года поселок Нях становится городом Нягань, позже исчезает Советский Союз. Производственное Объединение «Красноленинскнефтегаз» (ПО «КНГ») становится акционерным обществом «Кондпетролеум». Бывшее руководство ПО «КНГ» становится собственником, хозяином.

Происходит развал нефтянки в Нягани, падает добыча нефти. В 1992 году меня приглашают на работу в город Ханты-Мансийск - в окружной Комитет Севера. Приглашения поступали и в последующие годы, я отказывался. Но наступает середина 90-х годов - маячит крах акционерного общества «Кондпетролеум». Если при генеральном директоре ПО «КНГ» Б.А. Нуриеве годовая добыча нефти возросла с 2 млн. тонн до 14, то при собственнике акционерного общества добыча с 14 миллионов тонн скатывается до 3. Зарплата становится мизерной, но и этот мизер выдают

один раз в 6-7 месяцев. Народ хлынул из Нягани. Все, кому было куда уехать, и для них там была работа – уезжали. В моей памяти печальная статистика – численность населения Нягани снизилась с 75 тысяч до 45 тысяч. Чуть позже нефтяная компания была объявлена банкротом.

При очередном приглашении на работу в Ханты-Мансийск я даю свое согласие. В октябре 1997 года, я, пока без семьи, выезжаю на работу в столицу Югры. Начинаю работать в Комитете по вопросам коренных малочисленных народов Севера (для краткости мы называли его Комитетом Севера) в должности заведующего отделом экономических проблем.

В те годы лицензии на геологоразведочные работы и эксплуатацию недр, после проведения соответствующих конкурсов, геологам, нефтегазодобывающим предприятиям выдавало Правительство автономного округа. Стороны заключали лицензионные соглашения, где прописывали виды деятельности, этапы, сроки исполнения, взаимоотношения сторон, в том числе и взаимоотношения с коренными малочисленными народами Севера, ведущими традиционные формы хозяйствования на территории лицензионного участка. Периодически Правительство округа проверяло геологоразведочные и нефтегазодобывающие предприятия на предмет исполнения ими лицензионных соглашений. Была сформирована и действовала Комиссия по проверке исполнения лицензионных соглашений недропользователями.

В состав комиссии включили и меня, как представителя Комитета Севера, для проверки пунктов Соглашений о взаимоотношениях с аборигенами.

Первая моя командировка в составе Комиссии была в декабре 1997 года в город Когалым, в ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь». Как только мне стало известно о командировке, сразу вспомнилось о пророчестве Ивана Семеновича, которое он предсказал 18 мая 1978 года: «Черис твацать лет ты приетишь к нам пальшим начальникам». Ну, надо же, какая точность! Почти

через двадцать лет я появляюсь в Когалыме, а это в 18 километрах от КС-2 «Орт-Ягунской», где мне и было дано пророчество! Сейчас декабрь 1997 года – каких-то пять месяцев для двадцати лет – тьфу, мгновения! Какая точность! Я был шокирован. Правда, приехал я далеко не большим начальником, всего лишь заведующим отделом. Однако, и здесь Иван Семенович точен – для аборигенов заведомо – «большой начальник». А может, при камлании 18 мая 1998 года Иван Семенович на самом деле видел меня большим начальником?!

Выехав из Хантов, Комиссия заночевала в Сургуте, и рано утром мы выехали в Когалым. В Сургуте у меня проживали и проживают близкие родственники по материнской линии и, разумеется, я переночевал у них.

Это была моя первая командировка и именно в Когалым. Первым делом, я решил провести сход граждан коренных малочисленных народов Севера. Буду в дальнейшем краток – аборигенов. Председатель Комиссии, да и все ее члены, начали меня править: «Ты в составе Комиссии, и нет у тебя таких полномочий! Встречайся с аборигенами, семьи которых проживают на лицензионных участках «ЛУКОЙЛа». Бери пример со своих предшественников из Комитета Севера – они, как правило, напивались до чертиков, потом с окон гостиницы второго этажа катапультировались. С ними у нас не было никаких проблем. И сходов никаких они не устраивали!» Но я – упертый малый. Никого не послушал, даже серьезных предупреждений Председателя Комиссии. Сход я собрал. Помимо проблем взаимоотношений аборигенов с недропользователями, меня, как начинающего сотрудника Комитета Севера, интересовали все вопросы жития аборигенов.

Администрация города пошла мне навстречу и предоставила актовый зал Дома Культуры. Народу собралось, конечно, не так много - они не были оповещены о моем приезде и о сходе. Но все равно информация потом дошла до всех.

Первый мой вопрос на сходе был: «А где сейчас Иван Семенович Сопочин, как его найти, пообщаться?» Кто-то из аборигенов с задних рядов вещает: «А-а-а-а.... Иван Симёныч-та, пальшой шаман каторый? Так он три кота назат умир». Вот так вот, напророчил мне приезд сюда через двадцать лет, а сам - на тот Свет!

Позже, после схода, аборигены Когалыма рассказали мне о некоторых его публичных действиях. Он мог одним взглядом на полметра поднять над землей нарты. Мог сделать любую небольшую вещицу неподъемной – никто, даже местные силачи, не могли ее стронуть с места.

Это было в декабре 1997 года. Шаманизм уже вышел из-под запрета. Иван Семенович был, оказывается, известным, почитаемым в своей среде шаманом. Не знаю, как правильно, правдиво назвать, обозначить его статус и есть ли вообще у них статусы? Настоящие шаманы об этом не говорят.

К большому сожалению, с периода открытости темы шаманизма многие людишки-аборигены, особенно имеющие какой-либо статус известности – представители творческой и научной интеллигенции, а в одно время даже и глава одного из районов округа – зычно били себя в грудь и громко вещали, что они являются главными шаманами Югры. И, как ни странно, все эти шаманы уповали на своих предков, которые якобы были шаманами и «дарования» которых перешли к ним. Но не постесняюсь соорудить и фигуру из пальцев – фигурки вам, шаманизм – умение и способность общаться с Богами, духами не передается по наследству. Настоящий шаман никогда не скажет, что он шаман.

После того, как я узнал, что Иван Семенович был большим шаманом, многие вещи мне стали понятны, открылись: его камлание, его вхождение в транс, когда глаза закатываются и изо рта идет пена – все это его переход в другой мир, общение с Богом (Автором), с духами, вещания Божественные, переданные и мне, как пророчества. Даже его предсказание о том, что я приеду к ним через 20 лет большим начальником, как-то не соответствовали

моему мелкому рангу. Но с марта 2001 года, я действительно становлюсь, как и предрекал Иван Семенович, большим начальником – Заместителем Губернатора по вопросам коренных малочисленных народов Севера.

Время летит. Как-то лет шесть-семь назад перебирал дома старые фотографии. Расслабился, окунулся в прошлую жизнь. Одно фото, другое ... детство, юность, студенческие годы, Приполярный Урал.... Держу в руках фотографию, где я сижу на диване у своих родственников в Сургуте. Фотографировал тогда меня двоюродный брат Саша Нопин. И потянулась цепочка воспоминаний: Сургут, ночевка у родни по пути в первую мою командировку в Когалым... И вдруг, как гром среди ясного неба, аж в жар бросило - на фотографии в правом нижнем углу - дата съемки – 21 декабря 1997 года!

Фотофакт – в правом нижнем углу дата съемки – 21 декабря 1997 года...

И в памяти всплыли слова Ивана Семеновича Сопочина: «Черес твацать лет приетишь к нам Пальшим Начальникам».... Что сказать? Сказать-то нечего... Ну, какое провидение! Я действительно приехал в Когалым ровно через двадцать лет, ну день в день! Оказывается, двадцать лет исчислялись Иваном Семеновичем не от даты, когда он подарил мне Его Шубу и предрек мое появление у них, не от 18 мая 1978 года, а от того дня,

когда мы сняли с Него Шубу – от 22 декабря 1977 года. Все это он видел тогда, все знал и обо всем этом ему было сказано его Богом.

Его предсказание меня потрясло. И самое главное, с этого момента со мной стали частенько происходить удивительные случаи, события, порой не поддающиеся никакому объяснению. О них я мало кому рассказывал.

Ну, вот, вроде бы можно поставить жирную точку, но появилось у меня желание порассуждать: а есть ли Автор, и вообще, случайности - случайны? А по сему - продолжение следует!

Об авторе

Райшев Анатолий Иванович родился 15 октября 1955 года в национальной деревне Тугияны Березовского района, в семье потомственного охотника. После окончания Полноватской школы решил пойти по стопам отца и год был штатным охотником.

В 1974 году окончил ГПТУ №17 в Сургуте, работал в СУ-8 треста "Сургуттрубопровод". Осенью 1974 года был призван на службу в ряды Советской Армии. После службы трудился газосварщиком в СУ-6 треста "Сургутнефтепромстрой". В 1983 году получил диплом по специальности «Горный инженер. Геолог» Тюменского индустриального института. 16 лет проработал в нефтяной промышленности: НГДУ «Красноленинскнефть», ПО «Красноленинскнефтегаз», ОАО «Кондпетролеум», УБПО ЭПУ (г. Нягань).

С 1997 года проживает в Ханты-Мансийске. Работал заведующим отделом Комитета по делам малочисленных народов Севера автономного округа. В 2001 году Губернатор Югры А.В. Филипенко назначает его своим заместителем по вопросам коренных малочисленных народов Севера, а с 2006 года - Советником Губернатора. Сам по национальности ханты, хорошо знал изнутри все потребности и проблемы аборигенов и прикладывал все силы для их решения.

С 2010 года – на пенсии. Занимается охотой, рыбалкой, сельским хозяйством, пчеловодством. Большая дружная семья Анатолия Ивановича – жена, двое сыновей, сноха, трое внуков – хорошие помощники во всех делах.

Имея богатый жизненный опыт, человек с необычной судьбой, Анатолий Иванович в 2017 году начал писать рассказы. Основная их особенность - отсутствие художественного вымысла. Все сюжеты реально происходили в разные годы, в разных уголках Югры. Все герои – реально жившие и живущие люди – одноклассники, однокурсники, сослуживцы, коллеги, друзья и просто знакомые. Его рассказы – это история Югры.